

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ПЕНСКОЙ

ПОЛОЦКАЯ ВОЙНА

Очерки истории
русско-литовского противостояния
времен Ивана Грозного
1562—1570 гг.

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**Полоцкая война. Очерки
истории русско-литовского
противостояния времен
Ивана Грозного. 1562-1570**

«Центрполиграф»

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Пенской В. В.

Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562-1570 / В. В. Пенской — «Центрполиграф», 2019 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08932-8

В истории русско-польско-литовского противостояния, длившегося с перерывами двести лет, с 1486 по 1686 г., война 1562–1570 гг. занимает важнейшее место. В ходе этого конфликта, который по праву можно назвать войной Полоцкой, именно Полоцк стал главной целью Ивана Грозного, и вокруг него развернулись основные события. В ходе этого конфликта держали экзамен две политические системы, Руси московской и Руси литовской. И если московская Русь прошла это тяжелейшее испытание, то Русь литовская не выдержала проверки и по итогам войны прекратила свое существование как политический субъект, де-факто поглощенная Польшей в результате Люблинской унии 1569 г. Неудачный для Вильно ход Полоцкой войны, которая, несмотря на то что литовские войска неоднократно брали верх над русскими полками, все же по «очкам» была выиграна Москвой, предопределил завершение истории Великого княжества Литовского и изменил историю Восточной Европы на несколько столетий вперед. Из всех составляющих истории Полоцкой войны именно военная ее история в отечественной и тем более зарубежной историографии изучена явно недостаточным образом и сопровождается шлейфом застарелых мифов и заблуждений. Во многом это связано с тем, что внимание исследователей, как правило, привлекали бурные события русской политической истории 60-х гг. XVI в. В лучшем положении оказалось лишь главное событие войны – осада и взятие русскими войсками Полоцка, однако этим знаменательным событием история этой войны отнюдь не исчерпывается. Исправить хотя бы отчасти эту несправедливость и призвано это исследование. Не претендуя на абсолютную полноту и законченность описания конфликта, автор полагает, что эта работа

будет интересна преподавателям, студентам и всем, кто интересуется военной историей России XVI в., историей русского военного дела и русского общества той эпохи.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-08932-8

© Пенской В. В., 2019

© Центрполиграф, 2019

Содержание

От автора	7
Глава I	10
1. «Государева отчина»...	10
2. «Большая игра» в Восточной Европе, «малая» война на русско-литовском порубежье в 40—50-х гг. XVI в. и проблема «ливонского наследства»	15
3. Последний шанс	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виталий Пенской
Полоцкая война. Очерки истории
русско-литовского противостояния
времен Ивана Грозного. 1562-1570

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

© Пенской В.В., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

От автора

Идея написать книгу о русско – литовской войне 1562–1570 гг. (которую смело можно назвать Полоцкой войной, так как вокруг Полоцка и развернулись ее главные события) зародилась еще в 2007 г. Тогда благодаря А. Юшкевичу в наших руках оказалась книга белорусского исследователя А.Н. Янушкевича по Инфлянтской войне 1558–1570 гг.¹ Естественной реакцией на этот взгляд с «литовской» стороны на события этой войны было желание дать ее описание со стороны «русской».

Однако путь к выполнению этого замысла в силу ряда причин оказался долгим. Пожалуй, среди них важнейшей стала необходимость вписать эту войну в общий контекст военно-политического противостояния в Восточной Европе в раннее Новое время и, само собой, развития военного дела в регионе в эту эпоху. Серьезное же изучение военного дела повлекло за собой обращение к сюжетам по истории Русского государства и общества, их основополагающих институтов и структур, уяснения особенностей их функционирования и эволюции в то время. Фраза, сказанная немодным ныне классиком о том, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения», остается в силе и сейчас².

Необходимость проработать эти вопросы привела к тому, что замысел сосредоточиться на истории Полоцкой войны пришлось отложить в долгий ящик (как выяснилось, на десять с лишком лет). Все это время «крот истории» продолжал свою работу, пока в общих чертах не была завершена работа над выстраиванием более или менее непротиворечивой концепции развития и Русского государства в «долгий XVI век», и эволюции международных отношений в Восточной Европе и русской внешней политики в это время³, и, само собой, изменений в военном деле⁴. И только после этого стало возможным вернуться к истории Полоцкой войны.

Столь долгая пауза, как оказалось, была совсем не лишней! Отечественный историк А.И. Филюшкин, характеризуя сложившееся в русской книжной традиции раннего Нового времени изображение пресловутой Ливонской войны, отмечал, что «в российском историческом нарративе этого времени нет никакой Ливонской войны. Есть отдельные кампании, походы, сражения – но они не сливаются в сознании современников в единую 25-летнюю кампанию борьбы за Прибалтику». На вопрос, как так получилось, историк дает ответ: «В Москве считали: с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским **война непрерывно идет с 1487 г., и годы боевых действий перемежаются лишь короткими перемириями** (выделено нами. – В. Л.)...». Конечно, продолжал исследователь, «летописец и не выделял новый виток противостояния с Литвой и Польшей из-за Ливонии в отдельную войну, для него это была часть кампании, тянущейся уже почти столетие»⁵.

Но если развить эту мысль дальше, то неизбежен вывод: эта кампания не закончилась в 1583 г., а продлилась еще столетие. И прежде чем завершилась эта духсотлетняя война, десять раз война «холодная» перерастала в войну «горячую». Девять из них пришлись на «длинный XVI век». Помимо «Пограничной» войны 1486–1494 г., это войны 1500–1503 и 1507–1508 гг., 1-я Смоленская война 1512–1522 гг., Стародубская война 1534–1537 гг., Полоцкая война 1562–1570 гг., Московская, или Баториева, война 1579–1582 гг. война (или войны?) 1609–1618 гг. и, наконец, 2-я Смоленская война 1632–1634 гг. Спустя двадцать лет, в 1654 г., началась десятая и последняя в летописи этого многолетнего конфликта война, «Тринадцатилетняя»⁶, завершившаяся Андрусовским перемирием 1667 г. Прошло еще почти два десятилетия, и оно было заменено «вечным миром»⁷, положившим конец этой неизвестной войне.

Полоцкая война занимает в этом списке не самое последнее место. Она стала крупнейшим военным предприятием первого русского царя и его последним значимым успехом на литовском направлении. Взятый в результате масштабной военной экспедиции Полоцк на почти два десятка лет перешел в русские руки и имел все шансы повторить судьбу Смоленска. Последний, будучи завоеван Василием III, надолго стал предметом ожесточенных споров Москвы и Вильно и, в конце концов, навсегда остался под властью московских государей. Можно провести некую параллель в истории завоевания двух этих городов. И в том и в другом случае за громким успехом последовала неудача (за взятием Смоленска – разгром под Оршей, за капитуляцией Полоцка – поражение на р. Ула), а потом боевые действия перетекли в фазу вялотекущей войны на истощение. Но в конце концов Москва давила Вильно, одержав победу по очкам. Как здесь не вспомнить фразу русского философа Г.П. Федотова, который писал, что «в татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского национального лица... Что поражает в нем прежде всего... это его крепость, выносливость, необычайная сила сопротивления. Без громких военных подвигов, даже без всякого воинского духа – в Москве угасла киевская поэзия военной доблести, – одним нечеловеческим трудом, выдержкой, более потом, чем кровью, создал москвитянин свою чудовищную империю. В этом пассивном героизме, неисчерпаемой способности к жертвам была всегда главная сила русского солдата (выделено нами. – В. П.)»⁸. В этой цитате Федотов четко обозначил главную и наиболее характерную черту московской стратегии, ярко проявившуюся в этих двух войнах, – настойчивость, упорство, выносливость, выдержка и больше пота, чем крови.

Увы, блестящий успех, одержанный на исходе первого года войны, сыграл злую шутку с Иваном Грозным и его боярами. Потрясение, которое испытало литовское общество, узнав о падении Полоцка, оказалось слишком велико и ускорило *Finis Lituania*, свершившийся в Люблине в июле 1569 г., ибо за личиной «унии» и «еднанья» скрывалось поглощение Литвы Польшей. И в том, что на люблинском сейме сторонники сохранения независимости Литвы потерпели поражение, виновата во многом именно полоцкая катастрофа, показавшая военное бессилие и организационную немочь литовских властей. Они оказались не способными мобилизовать людские, финансовые и материальные ресурсы Великого княжества для очередного раунда русско-литовского противостояния. Московский же административный аппарат и политическое устройство, перестраивавшиеся мало-помалу со времен «регенства» Елены Глинской и «боярского правления»⁹, оказались работоспособнее, нежели литовские, и установившееся было после 1-й Смоленской войны 1512–1522 г. некое равновесие на русско-литовской границе оказалось нарушено. И уже не важно было, что в Москве и не замышляли покорять Литву и приводить ее под высокую царскую руку. Непреходящее уныние, охватившее немалую часть литовской элиты и шляхты после Полоцка, поспособствовало тому, что выходом из этой представлявшейся безнадежной ситуации перед лицом надвигавшихся с востока «тьмочисленных» московских полчищ казалось именно более тесное, чем прежде, объединение усилий двух государств для противостояния экспансии Москвы.

В 1570 г. Иван Грозный мог с полным на то основанием считать себя достойным продолжателем дела своего отца. Победа в Полоцкой войне (вкуче с последовавшей за ней победой над крымцами) вполне могла стать апофеозом его внешней политики. И прав был русский историк Р.Ю. Виппер, писавший, что «если бы Иван IV умер в 1566 году, историческая память приносила бы ему имя великого завоевателя, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников, ведь и Александра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с неминуемой гибелью и распадом созданной им империи. Грозному также простили бы его опричнину и казни, как прощаются Александру злые убийства сподвижников, причуды и бред величия». Увы, продолжал

он, «несчастье Ивана IV в том, что ему пришлось пережить слишком ранние свои успехи, слава его, как завоевателя, померкла, дипломатические и организаторские его таланты забылись, он попал в другую историческую рубрику, под титул „тиранов“»¹⁰. История Полоцкой войны оказалась погребена под горой всяких историй не столько о правлении Ивана Грозного, его внешней и внутренней политике, сколько о самом первом русском царе, фигуре величественной и одновременно трагической.

Несколько слов о самой книге, которой мы попробовали напомнить о деяниях наших предков, создавших основы государства Российского. Работая над ней, мы сконцентрировались на военной истории и отчасти – на истории дипломатии. Связано это было в первую очередь с тем, что именно военный аспект истории Полоцкой войны в историографии исследован в наименьшей степени и сопровождается шлейфом заблуждений и мифов «времен очаковских или покоренья Крыма». При этом мы преднамеренно сделали упор на реинтерпретацию первоисточников, минимизировав обращение к старой историографии как в значительной степени устаревшей. Увы, ограниченный объем этой книги не позволил остановиться на историографии проблемы и на характеристике источников, а также раскрыть вопросы, связанные с сюжетами из русской политической, социальной и экономической истории той эпохи. Надеемся, что эти проблемы составят предмет следующей нашей работы.

По традиции, завершая авторское вступление, мы хотели бы высказать нашу благодарность за помощь, советы и содействие в ходе написания этой работы Д. Селиверстову, А. Лобину, А. Филюшкину, А. Безугольному, А. Красникову, А. Юшкевичу и, естественно, нашей супруге Т. Пенской, обеспечивавшей нам надежный тыл и поддержку во всех наших начинаниях. Естественно, что вся ответственность за результаты многолетней работы лежит целиком и полностью на нас, однако мы утешаемся мудрым изречением древних римлян – *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!* («Я сделал, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше»).

P. S. Мы преднамеренно оставили цитаты из русских и литовских источников без перевода на современный русский литературный язык, так как, на наш взгляд, при переводе теряется ощущение эпохи. Конечно, на первых порах продираться сквозь хитросплетения словес будет тяжело, однако этот труд того стоит – за этими фразами стоят живые люди из плоти и крови, а не безликие субъекты исторического процесса.

Глава I «Откуда есть пошла» Полоцкая война?

1. «Государева отчина»...

Предысторию Русско-литовской войны 1562–1570 гг. стоит начать издалека. Вскоре после Батыева нашествия неизвестный русский книжник, оплакивая увядшее величие Русской земли, вспоминал о славных временах киевского князя Владимира Мономаха, при котором «литва из болота на свет не выныкиваху»¹¹. Увы, та эпоха ко временам батыевщины осталась в прошлом. Русские князья, занятые усобицами, уже не имели той силы и власти, как их прадеды. Литва осмелела, вылезла из своих болот, и прилежащие к коренной Литве русские земли стали испытывать всевозрастающее давление со стороны честолюбивых и жадных до добычи литовских «князей» и их дружинников. Война для них, как отмечал русский историк М.К. Любарский, «стала уже не актом самообороны, но и промыслом», и хроники соседних земель, польские и русские, наполнились известиями о грабительских набегах литовцев¹².

Растущая военная активность литовцев была связана с важными переменами в самой Литве. Процессы государствообразования в ней ускорились, наметилась дифференциация местного «нобилитета» и выделение из него наиболее влиятельных и могущественных «князей», в договоре 1219 г. с волынскими князьями поименованных «старейшими», Среди этих «старейших» князей был назван и некий Миндовг, один из аукштайтских (Аукштайтия – историческая область в средневековой Литве) «князей».

Именно Миндовгу довелось сыграть решающую роль в формировании Литовского государства. Силой, хитростью, подкупом, не брезгуя убийством своих противников, Миндовг сумел подчинить себе большую часть Литвы и многих литовских «нобилей». При нем в состав Литвы вошла так называемая «Черная Русь» с городами Новгородком (в котором в 1253 г. Миндовг короновался королевской короной, присланной от папы Иннокентия IV), Волковыском, Слонимом и др. При нем усилилось литовское проникновение в смоленские и полоцкие земли.

Пытаясь сыскать себе союзников в противостоянии с литовцами и немцами, полоцкий князь Брючислав в 1239 г. породнился с юным князем Александром Ярославичем, выдав за него замуж свою дочь Александру. Младшим из четырех сыновей Александра, родившихся в этом браке, был Даниил Александрович, князь Московский, родоначальник княжеской династии, сидевшей на московском столе до 1598 г. И не потому ли Иван Грозный именовал Полоцк своей «отчиной», памятью об этом своем родстве с полоцкими князьями?

Увы, попытка Брючислава опереться на владимирских князей не имела успеха – Владимирское княжество после Батыева нашествия не обладало должными силами для того, чтобы противостоять натиску литовцев на западнорусские земли. После смерти Брючислава Полоцк постепенно перешел в орбиту влияния литовских князей. К началу XIV в. он и вовсе оказался под их прямым управлением¹³. При Гедимине же процесс подчинения Полоцкой земли был полностью завершен. Некоторое время Полоцк был центром удельного княжества в составе Великого княжества Литовского, но к концу XIV в. при великом князе Витовте он утратил этот статус, став наместничеством.

Отняв у Полоцка право быть столицей удельного княжества, Витовт взамен пожаловал его своим великокняжеским привилеем, наделявшим город привилегированным статусом. Неоднократно редактировавшийся, этот привилей в 1498 г. был дополнен пожалованием

городу магдебургского права. Особый статус Полоцка затем подтверждался в 1510, 1511 и 1547 гг., и полочане, как отмечал российский историк М.М. Кром, «освоившись» в политической системе Литовского государства, дорожили своими правами и привилегиями¹⁴. «Обращает на себя внимание, что всюду, где горожане боролись с произволом местной администрации, – будь то в частновладельческом Пинске, небольшом великокняжеском городе Кричеве или крупной привилегированной общине вроде Витебска – они неизменно в защиту своих прав ссылались на „старину“, – продолжал он далее. При этом «старина» представляла собой тот привычный уклад жизни, которому следовали отцы и деды и, как следствие, «возникает предположение о том, что города, активно отстаивавшие свою „старину“ во внутривосточной жизни Великого княжества, должны были противиться и покушениям на нее извне». Следовательно, завершал свою мысль исследователь, Москва не могла рассчитывать на серьезную поддержку в городах Великого княжества Литовского¹⁵.

С этим тезисом можно согласиться, но с той поправкой, что и Москва в своей внешнеполитической деятельности апеллировала к «старине», как это делал, к примеру, Иван III, диктуя новгородцам условия мира в 1471 г.¹⁶, гарантируя соблюдение «старинных» при условии лояльности и службы¹⁷. Так что эта палка была о двух концах, и в конечном итоге вопрос о том, кто прав, а кто нет, должен был решить меч. И кстати, в Вильно это прекрасно осознавали. В ходе переговоров в литовской столице в 1549 г. в ответ на отсылки русских послов к «старине», ко временам князя Владимира Мономаха¹⁸, с литовской стороны было заявлено буквально следующее: «То суть речи давньные, а тот столец Киев есть и будет, дали Бог в мощи, в руках и держаньи его Королевское милости»¹⁹. Одним словом, в споре между Москвой и Вильно о праве владеть теми или иными волостями решающую роль должен был сыграть пресловутый *ultima ratio regum*. А дальше дал бы Бог силы удержать завоеванное, а «старина» к этому приложится, а не даст – так и разговаривать не о чем. *Vae victis!*

Полоцк, в отличие от Киева, до поры до времени не фигурировал в списке «отчин», которые, по мнению Москвы, против «старинных» удерживали преемники Гедимины. Но в ходе русско-литовской войны 1500–1503 гг. прозвенел первый звонок, возвестивший о том, что он стал объектом растущего внимания Москвы. В 1502 г., пока сын Ивана III Дмитрий Жилка осаждал Смоленск, отдельные отряды русских войск ходили далеко на запад, «за Мстиславль по Березыню и по Видбеск, по **Полтеск** и по **Двину** (выделено нами. – В. П.), выграбили и выжгли и людей в полон вывели»²⁰.

Война тогда задела крылом Полочанщину, но это было только начало. Прошло еще два года, и в 1504 г. русские послы многозначительно заявляли литовским дипломатам, что миру с Литвой не бывать до тех пор, пока под властью Ягеллонов будет оставаться «вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и **иные города** (выделено нами. – В. П.)», которые «с Божьею волею, из старинных, от наших прародителей наша отчина»²¹. То, что Полоцк входит в эти «иные города», стало ясно спустя полтора десятка лет. В ходе переговоров 1517 г. о прекращении начавшейся в 1512 г. войны московиты заявили, что «которые города государя нашего отчина от прародителей его, Киев, **Полтеск**, Витебск и иные города **государя нашего отчину** Жигимонт **король держит за собою неправдою** (выделено нами. – В. П.)», а потому, если он хочет мира, то «он бы тех городов государю нашему поступился...»²².

Свои претензии на Полоцк Москва подкрепляет и демонстрацией силы. С началом 1-й Смоленской войны 1512–1522 гг. великокняжеские «загоны» объявились в окрестностях города и «полону имали безчисленно»²³. Следующий раз русские полки, посланные с Великих Лук, подступили к Полоцку в кампанию 1515 г.²⁴ И наконец, в 1518 г., в ответ за поход польско-литовского войска на русский пограничный город Опочку²⁵, Василий III решает совершить

большой поход на Полоцк и взять его, заполучив тем самым в свои руки отменный козырь для продолжения переговоров о замирении.

Судя по сохранившимся свидетельствам в русских летописях и разрядных книгах, поход был задуман с размахом²⁶. Увы, поход этот, долженствовавший поставить жирную точку в затянувшейся войне, закончился неудачей. Новгородско-псковская рать воевод братьев В.В. и И.В. Шуйских, усиленная по ходу осады Полоцка отрядами московских служилых людей, взять город не смогла. Великий же князь с отборными полками и великим нарядом не прибыл под Полоцк, задержанный сперва необходимостью уладить дела в выморочном калужском уделе, а затем проливными дождями, продолжавшимися без малого месяц. Без них братья Шуйские не сумели справиться с поставленной задачей. Все лето они «под городом по Полоцком стояли и из пушек и из пищалей по городу били и в городе людей из пушек и из пищалей многих побили, и тут людей многих побили, и иных многих живых переимали и к нам прислали, и посады у города пожгли...»²⁷, однако в конце концов, испытывая острую нехватку провианта и фуража и опасаясь подхода свежих неприятельских сил, были вынуждены отступить.

Русские рати, конечно, все эти месяцы не сидели сложа руки и совершили ряд успешных рейдов вглубь литовской территории, «воевали Литовскую землю и по самую Вильню, а направо от Вилны воевали также по Неметцкую землю», «полону и животов людских безчизлено вывели и жолнырей многих побили»²⁸. Однако все эти успехи отнюдь не поспособствовали решению главной задачи кампании. Война, постепенно затихая, продлилась еще четыре года и завершилась в 1522 г.²⁹

После ее окончания на новой русско-литовской границе установилось относительное затишье. Нет, конечно, в условиях, когда окончательного разграничения владений не произошло, а сам мир рассматривался обеими сторонами как всего лишь передышка перед новым этапом «горячего» противостояния, «малая» война на порубежье в форме взаимных набегов, грабежей, захвата пленников и животов, насильственного переселения крестьян и т. п. не прекращалась ни на один день. Но эта нестабильность до поры до времени не влияла на отношения Москвы и Вильно. Все эти взаимные пограничные «обиды» и «зацепки» протоколировались, включались в составляемые время от времени «обидные списки» и дипломатическую переписку, образуя некую горячую массу. Но когда она вспыхнет, зависело от того, когда в Москве или в Вильно сочтут, что настало время выставить счет к оплате.

Василий III, разрешив в очередной раз казанский вопрос и пользуясь тем, что в союзном Литве Крыму со смертью «царя» Мухаммед-Гирея I от рук ногаев в Астрахани в 1523 г. началась «Великая замятия», начал готовиться к новой войне. Сперва в 1528 г. военная тревога была объявлена в Полоцке (sic!) и Витебске, где летом этого года со дня на день ожидали вторжения русских войск (кстати, стоит заметить, что и в разрядных книгах летом 1528 г. впервые после долгого перерыва появляется разряд «от литовской украины»)³⁰. Новая военная тревога, на этот раз на юге, на киевском направлении, прозвучала в начале 1530-х гг.³¹ Но осенью 1533 г. Василий III занемог и вскоре скончался, а в последовавшей после его скоропостижной смерти политической неразберихе Москве было уже не до новой войны с Литвой.

Надо полагать, что в Вильно, узнав о том, что Василий III умер, немало тому возрадовались, а еще больше там возрадовались, узнав о политических неурядицах в Москве и о готовности московских бояр поставить друг друга на ножи³². Малолетний Иван IV явно не мог играть роль, предназначенную ему как главе государства, арбитра в политической игре при московском дворе, и корабль Русского государства, оставшийся без руля и ветрил в бурном море, начало швырять из стороны в сторону. Вильно не мог пропустить такой уникальный шанс взять реванш. И вот в августе 1534 г. Литва развязывает новую войну, которая получила позднее название Стародубской и продлится до 1537 г.

Для Полоцка эта война стала тяжелым испытанием. С утратой Литвой Смоленска в системе ее обороны на востоке образовалась большая дыра, через которую русские полки могли свободно вливаться на земли Ягеллонов. Полоцк стал прифронтальной зоной, первой подвергавшейся ударам скорых на подъем московских ратей. В ответ на вторжение литовских войск во владения московского великого князя на Северщине и Смоленщине Боярская дума приговорила, а ребенок – великий князь – указал отправить большую русскую рать в ответный поход зимой 1534/35 г.

В конце 1534 г. русские полки с трех сторон вторглись в Литву – на стародубском направлении, на смоленском и со стороны Опочки. Несмотря на «снеги и мразы велики»³³, государевы рати, не встречая сопротивления, свирепствовали во владениях Сигизмунда I до самого конца зимы 1535 г., «сътвориша зла много, пожгоша и секоша человеки мужи и жены и детей, а иных в полон поведоша безчислено», да так, что «наполнися земля вся Руская полону литовского»³⁴. Под удар соединенной псковско-новгородской рати под водительством князя Б.И. Горбатого, вторгшейся в Литву с севера, со стороны Опочки, попал Полоцк и его окрестности³⁵. Соединившись под Молодечно со смоленской ратью, государевы воеводы двинулись на запад, опустошили окрестности Вильно, после чего повернули на север и еще раз огненным валом прокатились по Полочанщине, выйдя домой к Опочке 1 марта 1535 г.³⁶

В летнюю кампанию 1535 г. псковско-новгородская рать к Полоцку не ходила, но «того же лета князь велики Иван Васильевич пять лет возрастом, и посла воевод своих наместников новгородских князя Бориса Горбатого и Михаила Воронцова, а из Пскова князя Михаила Коубеньского да Дмитрея Воронцова, да иные воеводы» с ратными людьми, с пищальниками, с посохою да с припасами «поставити город на Себежи озери в Литовской земли, 60 верст от Опочки»³⁷. Новый город, названный в честь малолетнего великого князя Ивангородом, строился итальянским мастером Петром Фрязиным Малым³⁸.

Ивангород должен был стать передовой базой русских войск в том случае, если «сила новгородская» и «сила псковская» отправятся в поход на Полоцк. Поэтому ее строительству придавалось большое значение – это видно и из наряда сил³⁹, выделенных для возведения крепости и охраны его строителей, и по той скорости, с которой она была возведена⁴⁰, и упорству, с которым русские потом отстаивали город.

В Литве сразу поняли, чем угрожает Полоцку и Витебску Ивангород⁴¹. Однако сборы литовские долги, пока литовские паны судили-рядили, искали деньги и собирали войско, крепость была отстроена, оснащена нарядом, припасами, а оставленный в ней на годовое гарнизон освоился на новом месте. И когда в конце февраля 1536 г. королевское войско подступило к Ивангороду «со всяким нарядом ратным», «хотеша дом святого Иванны Предтечи и чудотворца Николы и святого царя Константина (названия трех иван-городских церквей. – В. П.) разорити, да воевод великого князя Ивана Васильевича и моужей себежан мечю предати и в плен вести», то оно потерпело поражение⁴². В ходе мирных переговоров в начале 1537 г. русские дипломаты согласились отдать литовцам земли Гомельского уезда, однако отстояли и Ивангород на Себеже, и другую крепость на порубежье, Заволочье, что была поставлена в 1536 г. к востоку от Ивангорода на «озере Подца, а остров Груда»⁴³. Тем самым, хотя война и закончилась как будто вничью, однако в стратегическом плане Москва переиграла Вильно. Уступив малозначимый Гомель с уездом, она сумела сохранить хороший плацдарм для наступления на Полоцк в будущей войне.

В истории с Ивангородом на Себеже и Заволочьем стоит обратить внимание на любопытное наблюдение, которое сделал А.И. Филюшкин. Исследователь отмечал, что с конца XV в. фокус притяжения военно-политических усилий равно Москвы и Вильно постепенно смещался к северо-западу. «Если наложить на карту зоны территориальных споров России и

Литвы в конце XV – середине XVI в., – писал он, – то мы видим, как они смещаются вдоль русско-литовской границы с юга на север, от Верховских и Северских земель к Смоленску». И далее историк отмечал: «Территория, где русские и литовские дворяне еще не делили земли с помощью оружия, по сути оставалась только одна – Полоцкая земля»⁴⁴. И если в ходе Стародубской войны Москва не сделала попытки взять Полоцк, то она подготовила хороший плацдарм для наступления на него в будущем, закрепив за собой Ивангород-на-Себеже и Заволочье. В Вильно же с окончанием войны успокоились и, по существу, оставили без должного внимания этот шаг Москвы. В том, что в ходе мирных переговоров была допущена ошибка, литовским властям пришлось убедиться спустя четверть столетия.

2. «Большая игра» в Восточной Европе, «малая» война на русско-литовском порубежье в 40—50-х гг. XVI в. и проблема «ливонского наследства»

Как развивались события на «литовской Украине» после подписания перемирия в 1537 г.? Посольские книги позволяют представить, что творилось на порубежье в эти, казалось бы, мирные годы. А состояние дел здесь можно без особого преувеличения охарактеризовать как «ни мира, ни войны». Не успели просохнуть чернила на перемирных грамотах, а «малая» война на границе возобновилась⁴⁵.

Причины подобного рода конфликтов понять несложно. Когда отсутствовала четко очерченная на местности и закрепленная на бумаге линия границы, а границы земельных владений и прочих хозяйственных угодий определялись обычаями, причем границы эти в силу естественных причин были подвижны, избежать столкновений между жителями порубежья было практически невозможно, особенно тогда, когда менялась государственная принадлежность той или иной территории. Если раньше споры по вопросу о принадлежности и праве использовать спорные угодья и земли решались обычно полюбовно, оставаясь проблемой местного уровня, то теперь ситуация менялась. В земельные и иные подобные споры вмешивалась большая политика, границы земельных владений и «ухожий», лесов и вод, закрепленные в договоре, становились неизменными раз и навсегда. Нужно было успеть закрепить за собой спорные участки, даже если ради этого нужно было прибегнуть к силе, или, на худой случай, извлечь максимальную выгоду с угодий, удержать которые представлялось труднодостижимым делом. Рост напряженности и ожесточенности порубежных споров на границе становился неизбежным. И хотя на словах обе стороны изъявляли желание урегулировать все возникающие споры, дать управу обиженным, оскорбленным и ограбленным, возместить ущерб и вообще навести порядок в приграничных землях, дальше слов и деклараций о добрых намерениях дело не шло⁴⁶.

Впрочем, далеко не всегда проблема упиралась в некую злую волю в столицах или на местах. Ведь процедура демаркации границы, которая могла как минимум снизить накал страстей, по тем временам была весьма трудоемкой и затратной операцией, требовала больших организационных и материальных усилий, вовлечения десятков и сотен людей. Историк В. Кивельсон приводит отрывок из наказа, в котором отправленному для размежевания спорных земель сыну боярскому предписывалось «взять... с собою тутошних и сторонних людей старост и целовальников, и крестьян, сколько человек пригож, да в тому стану велено сыскать накрепко большим повальным обыском многими людьми дворяны и детьми боярскими, и их прикащики, и старосты, и целовальники и крестьяны по евангельской заповеди... и тех обыскных людей имена и речи велено написать в список»⁴⁷.

При этом процедура размежевания была сопряжена с определенным риском и угрозой для жизни для судей, землемеров и межевщиков. Случайно ли Сигизмунд в одной из грамот, адресованных Ивану IV, писал, что с его стороны для разрешения пограничных споров высланы были воевода полоцкий Станислав Довойна, королевский подстолий Никодим Техоновский, конюший Миколай Андрушевич в сопровождении вооруженной свиты числом в 200 коней? Вряд ли. Характерный пример приводит В. Кивельсон – в Ружском уезде толпа местных жителей числом больше 200, вооружившись всяким дубьем, рогатинами и луками, препятствовала землемерам, пытавшимся обмерить спорные границы земельных владений. При этом толпа кричала: «Побьем насмерть, а мерить не дадим!»⁴⁸

В общем, выходило так, что проблемы не решались, а только накапливались год от года, и взаимные обиды и обвинения создавали неразрешимую задачу: как примирить враждующие

стороны, между которыми к тому же нередко пролилась кровь?⁴⁹ Тем не менее долгое время порубежные дела не мешали продлению перемирия. По прошествии оговоренного в 1537 г. срока перемирия в пять лет прекращение боевых действий в 1542 г. было продлено до 1549 г., а затем еще на пять лет. Связано это было с тем, что вектор московской внешней политики в 1540-х гг. смещается с «литовского» направления на «татарское». Великая смута, раздиравшая Крымское ханство, к концу 30-х гг. XVI в. завершилась, и воинственный хан Сахиб-Гирей I смог вернуться к реализации старой идеи крымских Гиреев – восстановить Золотую Орду под своей эгидой. Для этого хан активизирует свою политику в Поволжье, добивается посажения на казанском столе враждебно настроенного по отношению к Москве племянника Сафа-Гирея, вынашивал планы покорения Астрахани и имел виды и на Ногайскую Орду. Учитывая же, что между Вильно и Бахчисараем еще со времен Менгли-Гирея I установились союзнические отношения, то ссориться с Вильно Москве было не с руки. Надо было сперва разрешить «татарский» вопрос, чтобы потом вернуться к решению вопроса «литовского».

А в том, что это произойдет, в Москве не сомневались. В 1549 г., обсуждая с боярами перспективы дальнейших отношений с Вильно, Иван IV спрашивал у своих бояр, как быть, если «вотчина наша извечная Киев и Волынская земля, и Полтеск, и Витебск, и иные города русские многие за королем». Стоит ли, продолжал царь, «с королем ныне мир вечный делати», если «вперед уже через крестное целование своих отчин искати нелзе», ибо «крестного целования никак нигде порушить» нельзя? Бояре ответили так: «Вечного мира с королем не делати для доставанья своих старинных вотчин, а взять с королем перемирье на время», перемирие же заключить на возможно больший срок с тем, чтобы «дать людям опочинуть и с иными недруги в то время управитися». Под иными недругами имелись в виду, конечно, казанцы и стоявшие за ними крымцы. В итоге принятое решение звучало так: «Учет Бог жаловати, вперед с крымским дело поделаетца, а с Казанью государь переведаетца ж», а до того «с королем за то крепко стояти и дела с ним никакова не делати»⁵⁰.

И Москва на протяжении полутора десятков с лишком лет неуклонно выполняла эту программу. Начиная с 1545 г. русские полки регулярно отправлялись на войну с Казанью, пока в 1552 г. очередной поход не положил конец «казанской истории» (впрочем, «казанская земля» далеко не сразу стала «подрайской» – еще и спустя 30 лет после падения Казани там было отнюдь не мирно). Покорение Казани открыло дорогу на Астрахань, но активизация русской экспансии в Поволжье и прямая угроза интересам Крыма (и опосредованно – Стамбула) в регионе привели к войне Ивана Грозного и нового крымского хана Девлет-Гирея I. Эта необъявленная война, начавшаяся летом 1552 г., продлилась до самой смерти крымского «царя» в 1577 г.⁵¹, после которой борьба сыновей Девлет-Гирея за власть на время снизила уровень напряженности на русской «крымской Украине».

Пытаясь одержать верх в этой борьбе и посадить в Крыму «своего» хана, Москва попробовала заручиться поддержкой «русской партии» при литовском дворе. Крымцы немало досаждали литовцам, и среди литовских магнатов и шляхты было немало сторонников заключения с русскими антикрымского союза. Однако, несмотря на все усилия московской дипломатии (вплоть до того, что в марте 1559 г. могущественный временщик Алексей Адашев от имени Ивана Грозного согласился с литовским предложением заключить вечный мир и союз против Крыма, гарантируя при этом отказ от «прародительских своих отчин, города Киева и иных городов русских, для доброго согласия» при условии оставления в русских руках Смоленска и других городов и земель, завоеванных прежде⁵²), все расчеты на замирение с Великим княжеством Литовским оказались напрасными. Преодолеть застарелую вражду и неприкрытую «недружбу» (к которой примешивалась, судя по всему, еще и личная неприязнь Сигизмунда II к Ивану Васильевичу), смешанные с недоверием, не удалось⁵³.

Как результат, в начале 60-х гг. XVI в. русское наступление на Крым было свернуто. К этому времени отношения между Русским государством и Великим княжеством Литовским достигли точки кипения. Разрыв отношений между ними с переходом от войны «холодной» к войне «горячей» встал на повестку дня. И случилось это скорее, чем полагали в Москве.

Что же послужило причиной для столь скорого обострения отношений между Иваном Грозным и его «братом» Сигизмундом II Августом? Рассорило «братьев» пресловутое «ливонское наследство». Чтобы не расписывать подробно эту проблему, отошлем к последним работам на эту тему⁵⁴, а здесь вкратце обрисуем сложившуюся ситуацию.

Традиционно принято считать, что раздел Ливонии начался с того, что в январе 1558 г. Иван Грозный послал свои полки в Ливонию. Был ли русский царь, в таком случае, зачинателем Войны за ливонское наследство? Формально да, но есть, как говорится, нюансы. Москва, имея массу проблем с той же Литвой, и с Казанью, и с Крымом, была не заинтересована в конфликте с ливонцами, предпочитая худой мир доброй ссоре. Сохранение «старой Ливонии», раздробленной и внутренне нестабильной, было выгодно Москве. Такая Ливония, с одной стороны, выступала бы буфером, не допуская распространения литовского влияния в регионе, а с другой – посредником в торговле России и Запада, своего рода «супермаркетом», где русские купцы могли закупать востребованные на русском рынке товары.

Однако к концу 1540-х гг. ситуация меняется. Откровенно враждебная позиция, занятая ливонскими властями по отношению к усилиям Москвы получить необходимую помощь средствами, материалами и специалистами для ведения тяжелой войны с татарскими юртами, явно не способствовала сохранению прежних русско-ливонских отношений. В ответ Москва решила надавить на ливонцев. Порывшись в архивах, московские дьяки извлекли на свет божий историю с пресловутой «юрьевской данью», корни которой уходили в незапамятные времена, чуть ли не в XII в. И вот, когда в 1550 г. начались переговоры о продлении перемирия между Русским государством и Ливонской «конфедерацией», московские переговорщики вдруг выставили перед ливонскими «партнерами» длинный перечень претензий «за порубежные дела и за гостей новгородских и псковских безчестья, и за обиды, и за торговые неисправления, и за дань, и за старые залогии, и что из Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали...»⁵⁵.

Ошарашенные ливонцы, оказавшись внезапно перед угрозой войны, понадеялись на хитроумие своих дипломатов и поддержку со стороны Священной Римской империи и решили схитрить, оттянув момент расплаты на неопределенный срок. Хитрость эта вышла им боком – когда ливонские послы в очередной раз явились в Москву в конце 1557 г. и не привезли дань, разъяренный Иван Грозный приказал отослать «безделных послов» некормленными восвояси. Вдогон за ними он отправил приказ своим войскам начать вторжение в Ливонию. Царское слово с делом не расходится, и если обещал царь сам явиться за данью, то так тому и быть.

Но почему Иван взорвался именно в декабре 1557 г., хотя история с невыплатой дани тянулась уже несколько лет и каждый раз Москва как будто входила в положение ливонцев и соглашалась отсрочить срок ее выплаты? Осмелимся предположить, что здесь нужно искать литовский след.

Его история началась еще в 1526 г., когда новоиспеченный прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн, незадолго до этого «приватизировавший» владения Немецкого ордена в Пруссии и присягнувший на верность Сигизмунду I Старому, предложил ему «инкорпорировать» по прусскому сценарию еще и Ливонию. Идея королю понравилась, благо у Сигизмунда были основания для вмешательства в ливонские дела. Еще в 1366 г. император Священной Римской империи Карл IV включил польского короля Казимира Великого в число «протекторов» Рижского архиепископства.

Правда, переход от слов к делу оказался надолго отложен. Лишь в 1552 г. Альбрехт и сын Сигизмунда Старого Сигизмунд II вернулись к обсуждению этой идеи. Очевидно, что

возобновление взаимного интереса двух высоких договаривающихся сторон к этой проблеме в 1552 г. произошло неспроста, и поводом к тому послужило обострение отношений между Москвой и Ливонией. К тому же в Вильно (как и в Ливонии) крайне негативно была воспринята попытка Москвы завязать отношения с Веней на предмет создания анти-османской коалиции (знаменитая миссия Г. Шлитте). «Инкорпорация» Ливонии могла не только принести последнему Ягеллону ощутимые материальные и финансовые выгоды, но и создать его «брату» Ивану дополнительные проблемы за счет закрытия для русских тамошнего «супермаркета».

А далее события стали разворачиваться со всевозрастающей скоростью. Спровоцировав в 1556 г. в Ливонии так называемую «войну коадьюторов»⁵⁶, Сигизмунд II вмешался в конфликт, навязав в сентябре 1557 г. магистру Ливонского ордена В. фон Фюрстенбергу Позвольские соглашения.

Часть из них затрагивали интересы Москвы. Первое из них – это союз, который заключался между Сигизмундом и орденом и которым предусматривались совместные действия сторон против общего врага, Московии (с оговоркой, что это соглашение должно было вступить в силу спустя двенадцать лет). Этот договор противоречил достигнутому в 1554 г. русско-ливонским договоренностям⁵⁷. Но была и еще одна, на первый взгляд незначительная, но весьма любопытная деталь. Фюрстенберг обещал Сигизмунду возместить затраты, которые понесла великокняжеская казна, готовясь к вторжению в Ливонию летом 1557 г.⁵⁸ Сумма, которую надлежало выплатить, была озвучена в сентябре 1557 г. на ландтаге в Риге – 60 тыс. талеров. Собрать ее должно было к началу 1558 г.⁵⁹ В речессе ландтага сказано было, что часть собранной суммы должна была пойти на покрытие претензий Сигизмунда (если они будут), а остаток израсходовать на удовлетворение требований Московита.

Уверенные действия московских переговорщиков и реакция самого Ивана Грозного в конце 1557 г. позволяют предположить, что в Москве были осведомлены как относительно примерного содержания Позвольских соглашений, так и решений рижского ландтага. Но если Сигизмунд угрозой войны добился заключения нужного для себя соглашения, то почему бы этого не сделать Москве? А дальше логика событий очень скоро, в мае – июле 1558 г., привела к тому, что Иван наложил свою руку на Нарву и Дерптское епископство, сделав тем самым следующий шаг в разделе ливонского наследства.

Агрессивные действия Москвы вызвали взрыв возмущения в Вильно. Однако, убедившись в том, что его «брат», «инкорпорировав» в свои владения северо-восточную Ливонию, отнюдь не торопится прибирать к рукам остальные ее части, Сигизмунд затеял хитроумную интригу. Он вознамерился выставить Ивана Грозного агрессором и захватчиком, настроив против него европейское общественное мнение, при этом не торопясь с вмешательством в русско-ливонскую войну, с тем чтобы, демонстрируя на словах свою поддержку гибнущей «старой Ливонии», сквозь пальцы смотреть на то, как московиты вразумляют ливонцев. В итоге влияние «староливонской партии», желавшей сохранить независимость Ливонии, падало бы, а вот «младоливонцы», ориентировавшиеся на Сигизмунда, получали бы перевес. Однако при этом позиции «младоливонцев» в переговорах с Сигизмундом относительно условий «инкорпорации» были тем слабее, чем сильнее были бы удары Ивана Грозного по Ливонии, и неспешность действий польского короля только давала ему дополнительные козыри в руки. Случайно ли Иван Грозный обвинял Сигизмунда в том, что он привык брать города не в честном бою, но «искрадом», полагаясь на измену, а русский историк Г. Форстен писал, что «при всей своей женственности, при свойственной ему лени и умственной неповоротливости он (Сигизмунд. – В. П.) нередко был способен на весьма удачную дипломатическую уловку, составлял любопытные проекты, проявлял и лукавство, и жестокость...»⁶⁰?

Исполняя волю своего господина, 11 марта 1559 г., под занавес очередных переговоров о продлении русско-литовского перемирия, глава литовского посольства воевода подляшский

Василий Тышкевич заявил от имени своего государя, что так как «княже бранденборский Вилгелм, арцыбископ ризский, есть кровный наш», то он напоминает «брату» своему, чтобы тот «стерег кровопролития христианского, а злаца со князем арцыбископом ризским, кровным нашим, спокойнее ся заховал», ибо «межи христьяны з валки закрововеньяе большое завазненное, нежли во иноверцах, приходит, чего нам государем христьянским стеречи годно»⁶¹.

Как отнесся Иван к этим претензиям – догадаться нетрудно. Он и так был раздражен отказом Вильно заключить «вечный мир» и союз против басурман – до такой степени, что в сердцах заявил литовским послам, раз «брат наш о христьянстве не радит, и нам тех своих вотчин старинных брату своему поступитися непригоже», то «перемирия нам прибавливати ныне непригоже, додержим перемирие до сроку по перемирным грамотам; а вперед меж нас Бог разсудит правду и неправду, чым хотеньем кровь христьянская учнет проливаться...»⁶². После же демарша Тышкевича Грозный и вовсе заявил: «Коли брат наш вставил безделное слово о нашей отчине о Смоленску, и ныне нашему государству без Киева и без Волынские земли и без **Полгеска** (выделено нами. – *В. П.*) и без Витебска и без иных городов русских быти непригоже, те города и земли их все наша отчине старинная»⁶³. В грамоте же, что должен был передать Сигизмунду гонец Роман Пивов, Иван заявил, что ливонцы «извечные данщики» Москвы и что Сигизмунд не имеет оснований вмешиваться в русско-ливонские отношения». Красной нитью через всю грамоту проходил тезис: «Обычай у государя нашего: сам правды не рушит; а хто правду порушит, и государь наш, призывая Бога в помощь, за своих людей обиды стоит и убытки своим подданным исполняет, сколко ему Бог помочи подаст»⁶⁴. Эти слова вкупе с произнесенным в сердцах Иваном обещанием додержать перемирие до срока, а там будь что будет, Господь решит, на чьей стороне правда, содержали в себе неприкрытый намек на то, что он войны не боится и к ней готов.

Жесткий ответ Ивана на претензии Сигизмунда произвел, казалось, ожидаемый эффект. Царского гонца в Литве встретили неласково, оскорбив в его лице самого Ивана⁶⁵, но ответная королевская грамота была выдержана в примирительном тоне. О Ливонии в ней не было сказано ничего, а основное внимание в послании было уделено ответу на претензии Ивана относительно тех «обид», что чинят литовские люди московским купцам и порубежным людям и на границе, и в самой Литве. Заканчивалась грамота обещанием прислать посла в Москву для обсуждения спорных вопросов.

Посол Андрей Хаританович прибыл в Москву только в ноябре 1559 г. (кстати, по дороге его не обижали⁶⁶), и эта пауза была не случайна. 31 августа и 15 сентября 1559 г. Сигизмунд заключил с коадьютором ордена Г. фон Кеттлером и рижским архиепископом Вильгельмом соглашения, согласно которым владения ордена (и, выходит, Нарва тоже) и рижского архиепископа отходили под его, Сигизмунда, «протекцию и клиентелу». Эти соглашения предусматривали, что орденские власти и архиепископ передают польскому королю под залог при условии оказания военной и дипломатической помощи ряд замков в юго-восточной Ливонии и в Подвинье. В соглашениях было сказано, что и орден, и рижский архиепископ могут потом выкупить эти заложенные замки обратно, но где им взять для этого 700 тыс. гульденов, считая в каждом по 24 литовских гроша? В общем, Сигизмунд сумел провернуть отличную сделку – не двинув ни единого солдата, не сделав ни единого выстрела, не истратив ни единого гроша (кроме как на представительские расходы и угощения ливонских делегаций), он сумел прибрать к рукам немалый кусок ливонской земли, да еще при этом и сохранив на лице маску защитника «старой Ливонии» от посягательств Московита.

Вся эта история выглядит тем более интересной, если принять во внимание тот факт, что еще в апреле 1559 г. Сигизмунд обратился к панам рады с письмом. В нем он сообщал, что орден готов перейти в литовское подданство и может передать четыре замка с условием, что в обмен он получит от Великого княжества военную помощь в противостоянии с Московитом.

И далее Сигизмунд высказывал опасения, что вмешательство в ливонские дела если не сейчас, то по истечении срока перемирия может привести к тому, что война с Москвой станет неизбежной, почему и просил совета, как поступить в таком случае⁶⁷.

Паны рады не рискнули взять на себя такую ответственность, и в итоге было решено созвать общий («вальный») сейм, долженствовавший дать ответ на этот вопрос. Он собрался в конце августа 1559 г. в Вильно и проработал до начала октября. Г. фон Кеттлер, прибывший на сейм по приглашению Сигизмунда, произнес прочувствованную речь. По его словам, если Московит захватит Ливонию, у него прибудет столько сил, сколько убудет у Литвы. И как в таком случае обороняться от столь могущественного государя? И какая судьба ожидает Великое княжество Литовское? Одним словом, помочь ордену в интересах Литвы, попыток Кеттлер. Его речь показалась делегатам сейма настолько убедительной, что они одобрили проект заключения соответствующего соглашения, немедленно появившегося на свет. При этом сейм, осознавая, к чему может привести это решение, вотировал сбор соответствующего военного налога. Дополнительный налог обязался наложить на крестьян своих имений сам великий князь, равно как и мещане также должны были собрать определенную сумму с каждого города.

Столь живое участие делегатов сейма в ливонском вопросе, и необычное желание выделить дополнительные средства на ведение войны с русскими было неслучайным. Обращаясь к великому князю, они изложили ему свою «прозбу» о том, «абы оселости иных народов людем [в] земли Ифлянтьгской не даваны, только обавателем и прыроженьцом Великого князства», на что Сигизмунд ответил согласием⁶⁸. Но это еще не все. Ряд исследователей отмечали экономическую заинтересованность и литовских властей, и магнатории, да и рядового шляхетства (в особенности севера Великого княжества) в установлении контроля над Ливонией. «Двинский торговый путь был одним из наиважнейших выходов в Балтийское море и соединял ВКЛ с Западной Европой», – отмечал А.Н. Янушкевич, указывая далее, что «благоприятная конъюнктура в торговле зерном и другими товарами диктовала необходимость овладения ключевыми коммуникационными артериями для увеличения объемов торгового обмена». Установление же контроля над той же Ригой и Ревелем позволяло устранить ненужных посредников и получать от прямой торговли с Западом большие выгоды, чем прежде⁶⁹.

Кстати, еще один момент вызывает интерес в письме, направленном Сигизмундом литовским панам рады. Он запрашивал у панов рады совета относительно того, как лучше организовать оборону Полоцка и Витебска, а также других замков в этом регионе, в том числе настаивал на том, чтобы ускорить сбор чрезвычайных налогов. Важность Полоцка и других городов на северо-востоке Великого княжества, по мнению великого князя, проистекала из их стратегического положения – вдруг неприятель нанесет удар по Литве с ливонского направления?⁷⁰

Итак, уже весной 1559 г. в Вильно всерьез рассматривали возможность полноценной войны с Русским государством, а Полоцку и Полочанщине в этой предполагаемой войне отводилась роль первостепенного театра военных действий⁷¹. И миссия Андрея Харитановича мало что могла изменить в стремительно ухудшавшихся отношениях Москвы и Вильно, тем более что в доставленной посланником королевской грамоте Сигизмунд обвинял своего московского «брата» в том, что именно он виноват в том, что граница до сих пор четко не расписана и потому на порубежье множатся «обида»⁷². Но даже не это самое главное. Не успел Хаританович вернуться в Вильно, как оттуда в Москву отправился другой посланник, М. Володкович. Прибыв в Москву в январе 1560 г., он доставил Ивану Грозному королевскую грамоту. В ней подчеркивалось, что «Ифлянская земля здавна от цесарства хрестьянского есть поддана предком нашим во оборону отчинному панству нашему, Великому князству Литовскому», почему «Ифлянское земли всей оборону, яко иным панством и подданым нашим однако однако повинни есмо чинити». И ради сохранения мира Сигизмунд предлагал Ивану прекратить войну с Ливонской «конфедерацией» и отказаться от своих завоеваний в Ливонии⁷³.

Правда, и здесь Сигизмунд не отказался от интриги. Володкович на полуофициальной встрече с Иваном Висковатым и Алексеем Адашевым заявил, что среди правящей элиты польско-литовского государства нет единства относительно ливонского вопроса: польские паны желают войны, тогда как литовские – нет, склонны к компромиссу. При этом намекнул на то, что было бы неплохо, чтобы Висковатый и Адашев склонили Ивана к мысли о продлении перемирия, а с литовской стороны этому поспособствует влиятельнейший канцлер князь М. Радзивилл Черный⁷⁴.

А.Н. Янушкевич полагал, что за этими словами литовского посланника скрывалось предложение о заключении некоего соглашения о разделе Ливонии между Москвой и Вильно⁷⁵. Однако это представляется маловероятным. Даже если предположить, что виленский воевода и был сторонником такого варианта, то, во-первых, как быть с решениями Виленского сейма, фактически одобрявшего войну с Москвой, а во-вторых, как быть с тем, что несколько позднее тот же Радзивилл Черный доказывал Сигизмунду необходимость не допустить попадания Ливонии в руки Москвы по той причине, что через ту же самую Ригу шла торговля Полоцка, Витебска и Жмуди⁷⁶. Наконец, именно Подвинье в ноябре 1559 г. было занято королевскими войсками после заключения Виленских соглашений. На наш взгляд, «предложение» Володковича представляло собой попытку втянуть Москву в переговоры по поводу «ливонского наследства» и тем самым отсрочить начало полномасштабной русско-литовской войны и, возможно, оказать давление на ливонских ландсгерров, сделав их более уступчивыми при обсуждении условий «инкорпорации». Московские переговорщики не поддались на «лесть» литовского посланника, расценив ее как его личную инициативу, за которой ничего не стоит⁷⁷.

В бумагах посольства А. Харитановича обращает на себя внимание и совсем небольшой на первый взгляд, но на самом деле чрезвычайно важный момент, напрямую связанный с подготовкой войны. В грамоте, которую передал гонец от имени Сигизмунда Ивану, среди прочих «обид», что чинили русским купцам литовские власти, есть и пункт о «непропущенье коней»⁷⁸. То есть выходит, что литовские власти установили запрет, эмбарго на вывоз коней из Великого княжества в Русское государство, ослабляя боеспособность конного по преимуществу царского войска. Конечно, в Москве это расценили как однозначно недружественный акт.

Ответное послание Сигизмунду Иван подготовил в апреле 1560 г., а отправил и того позже – царский гонец Никита Суцов отъехал из Москвы только 11 июля того же года. Видимо, Иван Грозный и его бояре уже не верили в то, что удастся сохранить мир с Литвой, и продолжали дипломатические контакты на всякий случай? Так, на наш взгляд, можно истолковать выдержанную в насмешливо-ироническом тоне позицию московского государя⁷⁹. На претензии короля ответ царя был однозначно отрицателен – чужого он не трогает, перемирие держит так, как и обещал, ливонское дело – это его дело с его старинными данщиками, и его литовскому «брату» до того дела нет. А если хочет «брат» мира для христианства, то пускай присылает великих послов – в Москве всегда готовы их принять и выслушать⁸⁰.

Вернувшийся в Москву 1 октября 1560 г. Суцов доставил Ивану Грозному королевский ответ. В нем говорилось, что «будет похочет государь с королем доброго пожитья, и он бы войску своему из Лифляндские земли выйти велел, а король свое войско выведет». С новыми королевскими предложениями в Москву, указывалось далее в грамоте, едут великие послы. «А не выведет государь войска своего, – продолжал Сигизмунд, – ино и послов о добром деле не бывать и доброго дела становити немочно», потому как «за подданных ему стояти и обороняти»⁸¹.

Еще до возвращения Суцова 19 июля в Москву прибыл очередной литовский гонец, королевский дворянин Андрей Люля, доставивший королевскую грамоту, в которой Сигизмунд напомнил Ивану о том, что он не раз просил прекратить войну с Ливонией, которую он

обязан защищать. Однако, продолжал король, «брат» его остался глух к этим просьбам. А раз так, то вина за кровопролитие ложится не на него, Сигизмунда⁸².

Люля прибыл в то самое время, когда большая русская рать вторглась в центральную Ливонию, разбила орденское войско в битве при Эрмесе и осадила Феллин, где в это время пребывал бывший магистр Фюрстенберг. Этот поход, равно как и предыдущий, предпринятый зимой 1560 г., показал, что Иван Грозный не намерен уступать требованиям своего литовского «брата» и продолжает гнуть свою линию в ливонском вопросе. Сигизмунд, похоже, и не сомневался в этом, но не собирался отказываться от выбранной ранее стратегии давления на ливонских ландсгерров, используя операции русских войск как инструмент достижения своих целей⁸³. При этом, вопреки утверждению А.Н. Янушкевича, ограниченный контингент литовских войск в Ливонии под водительством жмудского старосты и каштеляна виленского И. Ходкевича, хотя и стоял с ружьем к ноге на приличном расстоянии от театра военных действий, не предпринимая никаких действий для того, чтобы помочь гибнущим «Божьим риторам», однако первые стычки между литовским и русскими отрядами уже имели место. Небольшой (400 человек) литовский отряд князя А. Полубенского дважды разбил русских под Вейденом и, возможно, Мариенбургом и даже взял при этом в плен некоего московского воеводу Ивана⁸⁴.

Остановимся на этом эпизоде подробнее. Белорусский исследователь опирался прежде всего на версию, изложенную польским хронистом М. Стрыйковским. Хронист же писал, что перед **святками** (выделено нами. – *В. П.*) жмудский староста пан Иероним Ходкевич, имея 1 тыс. наемников, 8 поветовых «маршалков», а также посполитое рушение жмудское, ковенское, завилийское и «немало панских почтов», переправился через Западную Двину у Зелбурга (совр. Селпилс) между Кокенгаузенем (совр. Кокнесе) и Кройцбургом (совр. Крустпилс) и двинулся против московитов. Последние, в количестве 50 тыс. человек стоявшие под Венденом/Кесью (совр. Цесис), узнав о приближении литовцев, бежали (именно так, «ubiegli») в свои земли. Лишь князь Александр Полубенский дважды успел сразиться с московитами – под Мариенбургом (совр. Алуксне) и Вейденом, где разбил русский отряд в 400 человек и взял при этом в плен воеводу князя Ивана Мещерского («Iwana Mes-kierskiego»). Мещерский и другие знатные пленники были отосланы паном Иеронимом в Вильно к королю⁸⁵.

Из этого весьма путаного описания видно, что речь идет о зимней 1560 г. кампании, когда большая русская рать под началом воеводы боярина князя И.Ф. Мстиславского вторглась в Ливонию. «Лехкая рать» князя В.С. Серебряного по приказу большого воеводы воевала «промеж Веля (Феллин. – *В. П.*) да Икеей (Венден. – *В. П.*) Белянские места и Кеские и Володимеретцкие (прилегающие к Вольмару. – *В. П.*) и иные многие места»⁸⁶. В задачу князя Серебряного никак не входило столкновение ни с литовцами, ни с ливонцами, он должен был лишь подвергнуть предписанные ливонские земли опустошению и разорению, что и было им успешно выполнено⁸⁷. Само собой, никаких 50 тыс. ратных у Серебряного не было и в помине. Очевидно, именно об этой рати и писал потом польский хронист, выдав желаемое за действительное.

Главные же силы русского войска с большим нарядом осадили Мариенбург (который, кстати, был среди прочих замков, переданных Сигизмунду по условиям Виленских соглашений). 14 февраля гарнизон замка после непродолжительной бомбардировки капитулировал, русские воеводы оставили в замке гарнизон и вернулись во Псков. Сигизмунд получил обидный щелчок по носу, не говоря уже о том, какие чувства испытывал все эти дни Кеттлер, так рассчитывавший на литовскую помощь.

Что же касается рейда Полубенского, то он относится к более позднему времени – к лету 1560 г., к феллинской кампании князя Мстиславского. Русские источники, написанные по горячим следам, позволяют дать более точное, неискаженное представление о том, что произошло тогда в Ливонии. Отправляя эту рать в Ливонию, Иван Грозный намеревался показать

и Кеттлеру, и самому Сигизмунду всю тщетность и бесполезность их расчетов и замыслов⁸⁸. И то правда – что могли сделать 500 всадников и 500 пехотинцев-драбов⁸⁹, которых Сигизмунд, согласно Виленским соглашениям, должен был ввести в переданные ему замки против многотысячной царской рати, кроме как отсиживаться в замках? Существенно же нарастить численность своих войск в Ливонии Сигизмунд не мог, поскольку казна была пуста и денег не хватало на выплаты уже нанятым ротам, почему наемники глухо роптали и дезертировали, но и отступить было уже нельзя – слишком высоки были ставки в игре. Приходилось выкручиваться, делать хорошую мину при плохой игре, и отсюда становится понятным, почему инструкции, которые выдал Сигизмунд «гетманам» Я-Ходкевичу (сын И. Ходкевича) и Ю. Зеновичу, назначенным командовать ограниченным контингентом литовских войск в Ливонии, были столь противоречивы и туманны⁹⁰.

Однако ружье, повешенное на стену, рано или поздно должно было выстрелить, и столкновение литовских и русских войск в Ливонии было неизбежно. Это и случилось летом 1560 г. Князь А.М. Курбский, расписывая совершенно в мюнхгаузеновском духе свои подвиги на царской службе, сообщал, что он тогда ходил до Вендена/Кеси и там побил трижды литовских ротмистров, посланных И. Ходкевичем, после чего испуганный жмудский староста со своим войском «ужаснувся, поиде скоро из земли Лифляньские, аж за Двину реку великую от нас»⁹¹. Оставим преисполненные бахвальства слова князя на его совести и посмотрим, что об этом пишут другие источники.

Начнем с того, что в Псковской 3-й летописи было отмечено, что «как стояли воеводы оу Вельяна, и в то время посылали воеводы князя Андрея Коурбского и иных воевод по Рижской стороне воевати и побита Немец под Володимерцов посылка князь Дмитрией Овчинин сын, а князь Андреи Литву побил под Кесью, што король присылал изгоном Полубенского на князя Андрея Курбского»⁹². Сигизмунд, отправляя назад Никиту Суцова, передал вместе с ним грамоту, в которой писал, что «не могучи далее вытерпети такового утиску подданных наших (речь идет о вторжении русских войск в Ливонию. – В. Л.), войска наши на оборону земли Ифляньское послали». Эти литовские рати, по словам короля, «неподалеку с твоим (т. е. Ивана Грозного. – В. П.) вжо были стягнулися, а некоторые охочие люди и под войско твое приходили». Как результат этого «приходу», литовские «охочие люди» «поторжки с тобою мели», и он, король, получив царскую грамоту, в знак доброй своей воли, «хотячися о добром христианском змовляти», «вземши ведомость от гетманов наших о тых розницах, и стерегучи большого кровопролитья росказали есьмо нашим войскам помъкнутися назад ку Двине»⁹³.

Сам Иван Грозный на переговорах с литовскими послами отмечал, что «брат» его, «не берегучи свое души, да свои люди на наши люди прислал, где пак брата нашего люди на наши люди пришли, ведь под Кесью в кою пору наши люди наших изменников казнили, ино брата нашего люди, князь Александр Полубенский с товарищи, яртоульным обычаем на наши люди пришли». Стычка закончилась тем, что литовцев побили, и, продолжал Иван, «которых людей на том деле поймали и к нам прислали, и мы были хотели тех людей пред брата своего послы поставити; но тогда брат наш послов своих к нам не присыльвал»⁹⁴.

При сопоставлении этих версий складывается следующая картина. По обычаю, пока главные силы русского войска осаждали Феллин, отдельные отряды детей боярских и их послужильцев отправлялись «по графику» «в зажитье». Под Вейденом произошла серия стычек с переменным успехом между русскими отрядами и действовавшей впереди основных литовских сил ротой князя А. Полубенского (в 1561 г. в ней было по списку 200 «коней»)⁹⁵. В одной из них повезло литовцам, а в другой князю Курбскому удалось нанести поражение роте Полубенского и взять пленных, присланных в Москву. Однако это были незначительные по

масштабу столкновения, которые даже не были занесены в официальную московскую историю конфликта (только псковский книжник счел возможным сделать это)⁹⁶.

Но во всей этой истории важен не столько факт отдельных стычек – как уже не раз было отмечено выше, на русско-литовском порубежье «малая» война не прекращалась все эти годы. Нет, здесь важно другое – если, к примеру, на границе под Себежем или Браславлем столкновения были инициативой местных властей и жителей, решавших свои вопросы, то здесь, под Вейденом, столкнулись уже не пограничные *warlord*'bi и атаманы, но государевы полки с обеих сторон. Первая кровь пролилась, и обе стороны, уверенные в своей правоте, сознательно шли на обострение конфликта.

3. Последний шанс

От дел ливонских вернемся к делам дипломатическим. В сентябре 1560 г. в Москву прибыл королевский гонец Михайло Гарабурда. Он доставил Ивану послание, в коем Сигизмунд излагал свой план разрешения ливонского вопроса, а именно на время дипломатических пересылок остановить боевые действия и распустить войска, чтобы «через тое земли оное не нищили и не казили, и убогих сирот с obu сторон не мордовали». Срок же посольского съезда Сигизмунд предложил назначить на 1 апреля следующего года⁹⁷.

В Москве же тем временем придумали хитрый план, как обойти все препятствия на пути примирения и не допустить начала войны. «Августа в 14, в среду, – писал московский книжник, – приходил ко царю и великому князю бити челом отец его и богомолец Макарей митрополит всея Руси да владыка Матфей Сарский и Подонский и архимандриты все и бояре все». Они предложили недавно овдовевшему царю снова жениться. 16 августа Иван согласился с этим проектом, и после благословения митрополита было решено отправить посольства искать царю невесту к «брату» Сигизмунду, к шведскому королю и на Кавказ, к черкасским князьям⁹⁸. 18 же августа был готов наказ окольникову Ф.И. Сукину и дьяку Г.Ф. Шапкину, которым надлежало отправиться к Сигизмунду и предложить ему заключить «вечный мир и добрую смолву и кровное связание» посредством брака русского государя с одной из сестер Сигизмунда, Анной или Екатериной.

Идея была весьма любопытной, хотя, скорее всего, нежизнеспособной. Во всяком случае, брак, заключенный между великим князем Литовским Александром и дочерью Ивана III Еленой, вовсе не стал препятствием для новых русско-литовских войн. Надежда, конечно, оставалась – иностранные наблюдатели отмечали, что у Ивана Грозного в Литве хватало сторонников. К тому же многие в Литве и Польше полагали, что в близившейся русско-литовской войне шансы Москвы выглядят предпочтительнее⁹⁹. Любопытным выглядит и сообщение о переговорах между московскими послами и представителями Сигизмунда, которое было получено в январе 1561 г. во Флоренции. Если верить автору этого послания, то Сукин и Шапкин от имени Ивана Грозного предложили Сигизмунду в обмен на согласие на брак с его сестрой Екатериной возвратить (ливонцам? – *В. П.*) все свои приобретения в Ливонии, но в качестве приданого Екатерина должна была принести Ивану ряд замков и земель на Руси (литовской – уж не Полоцк ли? – *В. П.*)¹⁰⁰. Стоит заметить, что в русской летописи было отмечено, что в декабре 1560 г. брат Ивана Юрий «бил челом... о Ливонском маистре о Велиме Ферштенберхе по маистрову челобитию, чтобы царь и великий князь его для маистра пожаловал, опалу свою маистру отдал». Иван Грозный прислушался к челобитью брата, «маистра Ливонского пожаловал, того же месяца декабря... велел ему быти на дворе и очи свои видети ему дал и опалу свою ему отдал; и того дни у него ел»¹⁰¹. Похоже, что Иван в это время всерьез рассматривал план создания вассального государства в Ливонии под началом Фюрстенберга и вел с ним соответствующие переговоры (закончившиеся, увы, ничем).

Принципиальное согласие Сигизмунда на брак было получено¹⁰². А.Н. Янушкевич, касаясь этого сюжета в русско-литовских отношениях накануне войны, отмечал, что «Сигизмунд Август не отказывался от переговоров о браке, рассчитывая потянуть время». По мнению исследователя, это стремление было продиктовано тем, что продолжение переговоров «могло гарантировать временный мир в Ливонии, задача организации обороны в сложный зимний период переставала быть актуальной». Кроме того, «передышка могла быть использована для укрепления литовских позиций в Ливонии»¹⁰³.

С такой трактовкой этого сюжета можно было бы и согласиться, если бы прибывшее в январе 1561 г. в Москву литовское великое посольство старосты тыкоцинского Я. Шимковича было настроено на переговоры. Однако послы от имени короля заявили, что брак невозможен до тех пор, пока не будут выведены русские войска из Ливонии и не будут возвращены Смоленск, Северские города, Великие Луки, Псков, Новгород Великий и другие города и земли, которые-де «взяты у королей через правду»¹⁰⁴.

Иван, естественно, отверг эти требования. Последняя серьезная попытка урегулировать накопившиеся проблемы в отношениях между двумя государствами была провалена из-за явного нежелания литовской стороны (в первую очередь самого Сигизмунда) идти на уступки и «царь и великий князь велел им (послам. – В. П.) отказать, что тому быти нелзе, и отпустил их х королю; а послы не делали дела доброго никоторого»¹⁰⁵.

Стоит заметить также, что, пока шли эти матримониальные переговоры, в Ливонии шли переговоры другие. И в октябре 1560 г. было достигнуто соглашение между королем и Кеттлером, что литовское войска займут еще несколько важных в стратегическом плане замков. Еще до конца года они были заняты королевскими наемными ротами, которых к середине 1561 г. на территории Ливонии находилось уже 11 конных и 18 пеших наемных рот с более 3 тыс. чел. списочного состава¹⁰⁶.

Иван Грозный также не собирался отступать. Литовским послам было велено передать их государю, что если в Вильно «похотят перемирия прибавити без Ливонские земли, ино с ним (с Сигизмундом. – В. П.) о перемирие делати; а учнут в перемирие делати и о Ливонской земле, ино с ним перемирия не делати», так как если «Ливонская земля ныне написати в перемирие, ино и вперед Ливонская земля с королем будет в споре». И далее Иван пригрозил – раз «брат» наш не намерен отступаться от своих претензий, то и он готов «промышляти бы ныне безпрестанно над теми ливонскими города, в которых городах литовские люди...». И если Сигизмунд «похочет за Ливонскую землю стояти», то и он, Иван, «за нее стоять, как хочет...»¹⁰⁷. И чтобы продемонстрировать свою решимость, Грозный отправляет в Ливонию новую рать. В разрядной книге по поводу посольства Я. Шимковича было отмечено, что «царь и великий князь перемирия с ними (литовцами. – В. П.) утверждать не велел от лета 7070-го году, от благовещеньева дни (25 марта 1562 г. – В. П.)...», после чего 20 апреля 1561 г. повелением Ивана во Псков были направлены воеводы. Оттуда им надлежало идти в Юрьев «воевати ливонские земли для того, что король вступаетца за ливонские земли и людей своих в ыные городки ливонские прислал»¹⁰⁸.

Сборы московской рати завершились во Пскове к концу июня 1561 г., после чего 24 июня 1561 г. она выступила в поход и «воевали Немецкие земли начен от Ровного (Роннебурга. – В. П.) до моря срединю, а сами здоровы вышли...»¹⁰⁹. Войско это, по нашим подсчетам, было невелико, не более 5 тыс. «сабель» и «пищалей», и действовало оно в соответствии с излюбленной стратегией московитов опустошения неприятельских владений. Псковская летопись сообщала, что разорению подверглись в первую очередь прилегающие к занятым литовскими гарнизонами замкам Вейден, Вольмар, Трикатен и Роннебург земли, после чего русские полки повернули к побережью Рижского залива, откуда поднялись к северу и оттуда ушли к Феллину со взятой добычей и полоном.

Литовские гарнизоны не вмешивались в действия русской рати, строго выполняя инструкцию Сигизмунда отсиживаться в замках. Однако совсем ничего не делать король не мог себе позволить. К проявлению активности в защите своих интересов в Ливонии его понуждали и собственные расчеты, и необходимость показать ливонцам, что он намерен оказать им действенную поддержку (пока они не стали искать себе другого покровителя, как это сделали ревельцы, в июне 1561 г. признавшие власть шведского короля). Переход конфликта России и Литвы в Ливонии на новый уровень стал неизбежен.

Поскольку численность наемных конных и пеших рот в ливонских замках была невелика, а быстро нарастить их количество из-за отсутствия необходимых средств не представлялось возможным, в Вильно решено было собрать посполитое рушение. Еще в марте 1561 г. были разосланы соответствующие «листы» литовским татарам, а в апреле – поветовым хоружим и панам. Срок сбора была назначен на 24 мая 1561 г., однако затем он был перенесен на 15 июня под предлогом отсутствия фуража¹¹⁰. Однако уже тогда проявилась одна из главных болезней посполитого рушения – чрезвычайно медленный сбор шляхты. Она «идучи не идяху» на войну, и в начале июля 1561 г. Сигизмунд с сожалением писал наивысшему гетману М. Радзивиллу Рыжему, что «еще никто не поспешил ся, яко ж маем ведомост, же многие за сплосеньством и недбалостью своею и до сего часу з домов своих не выехали»¹¹¹. Одним словом, пока шляхта собралась и выступила в поход, рать князя П.А. Булгакова огненным валом прокатилась по ливонским землям и повернула домой. Но не возвращаться же домой, «не сотворив ничтоже» – так, очевидно, решили в гетманском «штабе», и, переправившись через Двину по знакомой переправе у Зелбурга, его воинство двинулось на север, к занятому русскими осенью 1560 г. замку Тарваст. Авангард литовского войска под началом маршалка Ю. Тышкевича и ротмистра Г. Трызны (по сильно преувеличенным сведениям М. Стрыйковского, у них было 5 тыс. всадников, притом, что в роте Тышкевича было по списку 200 «коней») «плюндровали» владения великого князя московского до Юрьева (что подтверждает и псковский летописец, – по его словам, «того же лета (7069/1561. – В. П.), о Ильине дни (20 июля. – В. П.) шла Литва под Тарбас городок великого князя, и воевали Нового городка (Нойхаузен. – В. П.) оуезда и Керепецкого (Кирумпе. – В. П.) и Юрьевская места»¹¹²), частью же сил блокировали Тарваст.

Осада Тарваста длилась 5 (по псковским сведениям, по московским – 6) недель. По первости она шла вяло – у Тышкевича и Трызны не хватало людей для ведения настоящих осадных работ, не говоря уже об отсутствии артиллерии да и особого желания заниматься этим реально грязным делом. Лишь после того, как к Тарвасту подошли главные силы литовского войска во главе с Радзивиллом, дело пошло скорее. Посредством подкопа под стену замка была подведена мина, взрыв которой 31 августа открыл брешь, и спешившаяся шляхта во главе с полоцким кастеляном Я. Волминским и наемная пехота пошли на приступ. Гарнизон Тарваста отбил атаку, при этом погиб пехотный ротмистр Ян Модржевский, незадолго до этого пытавшийся удержать за Сигизмундом Ревель. Однако тарвастские воеводы, отбив штурм, решили, что дальше обороняться в полуразрушенной крепости нет смысла, и согласились на предложение гетмана сдать Тарваст в обмен на возможность беспрепятственного ухода «со всеми их животы». Но гетман свое обещание, подкрепленное клятвой, не сдержал. Позднее, в ходе переговоров о заключении перемирия в 1563 г., всплыли подробности о судьбе гарнизона Тарваста. По словам московских дипломатов, литовцы «вели их (тарвастских сидельцев. – В. Я.) с собою до Володимерца (Вольмар, совр. Вальмиера. – В. Я.) за сторожи, как всяких полоняников, и двожды их в изб запирали и ограбив, нагих и босых и пеших к нам отпустили, а иных переимав, да нашим изменником вифлянским немцом подавали; ино иные у них в тюрьмах сидючи померли, а иные и ныне у них сидят по тюрьмам, мучатца всякими розными муками»¹¹³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.